

Французы на службе интересов Советской России: политический аспект сотрудничества

В статье рассматривается сотрудничество представителей французской военной миссии с советским руководством. Особое внимание уделяется идейно-политическим воззрениям французов, принявших большевизм и оставшихся в России после революции 1917 г.

The research analyses the political dimension of cooperation of representatives of the French military mission to the Soviet leadership, it reveals the basic directions of their interaction. Special attention is paid to ideological and political beliefs of Frenchmen who accepted Bolshevism and remained in Russia after the revolution of 1917.

Проблема русской революции и первых лет формирования Советской власти является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в истории XX в. Историки, политики и общественные деятели по-разному относились и продолжают относиться к революционным событиям 1917 г. в России. Но при всем многообразии оценок и концепций мало кто отрицает, что Октябрьская революция 1917 г. была значительным событием XX в.

Среди тех, кто принял участие в Русской революции 1917 г. были и выходцы из стран Западной Европы, в том числе и представители французской военной миссии, действовавшей на территории России в годы Первой мировой войны.

В отечественных научных трудах сотрудничество французов в формирующихся органах советской власти не подвергалось системному анализу. Деятельность Французской военной миссии - ФРАМИС - (устойчивая аббревиатура 1910-х гг.) рассматривалась либо в контексте «заговора послов» или организации иностранной интервенции, либо поиска иностранных корней русской революции 1917 г. [1-3]. Зарубежные исследования, посвященные вопросам отношения французской интеллигенции к революции 1917 г. и утверждению большевизма в России достаточно обширны. Участию французов в революционных событиях 1917 г. и первых лет строительства советской власти посвящены работы К. Желена [4], М. Агюлона [5], С. Коре [6], Д. Кота [7], однако проблема сотрудничества бывших представителей французской военной миссии с советским правительством также не нашла должного освещения. Исследование взглядов и деятельности представителей французской военной миссии, перешедших на сторону большевиков, позволит не только заполнить белое пятно в истории политической мысли первых лет строительства Советского государства, но и иначе взглянуть на саму проблему зарождения тоталитарного общества — глазами тех недооцененных героев, романтического периода большевизма, которых маргинализировало утверждение сталинизма.

В работе представлено исследование этой проблемы на примере сотрудничества представителей французской военной миссии с большевистским руководством.

Французская военная миссия была сформирована и направлена в Россию в 1916 г. под командованием генерала А. Лаверня. Главной предпосылкой отправки этой миссии явились союзнические обязательства Франции перед Россией в помощи ведения войны. По мере радикализации политической ситуации в России цели миссии усложнялись и дополнялись. Так, важнейшей задачей французской военной миссии после свержения царской власти стало удержание России в состоянии войны. Достижению данной цели должны были способствовать агитационные мероприятия, проводимые миссией среди русских солдат и офицеров. Для убеждения солдат в необходимости наступления создавались специальные ораторские группы из «оборонцев» от Исполкомов Советов и союзных военных, владеющих русским, которые действовали на Северном фронте в мае – июне 1917 года. Кроме того, военная миссия была обязана информировать французское правительство о событиях, происходящих в России. Ярким примером реализации этой задачи стало появление в рядах ФРАМИС капитана Ж. Садуля, сотрудника Министерства вооружений Франции, отправленного в Россию в сентябре 1917 года, как раз накануне октябрьских событий.

После Октября 1917 года страна была брошена в политический водоворот, быстро охвативший все население, разрушивший учреждения, традиции и обычаи, которые еще накануне казались незыблемыми. Радикальная трансформация государственного строя и политической власти отразилась и на отношениях с другими государствами, подтвердились опасения бывших союзников о скором выходе России из войны. Провозглашение ленинского Декрета о мире резко изменило отношения между Россией и западными державами, от союзнических, в Первую мировую войну, до враждебных после победы Советов.

Поляризация сил в России способствовала различному восприятию ситуации и внутри французской военной миссии. В то время как основная часть миссии уповала на скорый отъезд из России, некоторые ее сотрудники: капитан Жак Садуль (1881-1956), лейтенант Пьер Паскаль (1890-1983), солдат Марсель Боди (1894-1984) перешли на сторону большевиков, что было предопределено их идейно-политическим воззрениями. Для них французская военная миссия с ее закулисной дипломатией, о которой они были прекрасно осведомлены, проигрывала в сравнении с большевиками, «простыми и открытыми». Даже линия фронта после событий 1917 г. меняет для них свои очертания: не Россия против Германии в союзе с Францией и Англией, а Советское государство с пролетариями всех стран против буржуазии.

Лейтенант П. Паскаль, воспитанный в духе идей славянофильства и, так называемого, «католического возрождения», обратился в коммунизм, «как идут в монастырь», и потому был удостоен соотечественниками

ироничного титула «христианского большевика». По верному замечанию французского исследователя Ф.Фюре «ему не надо было дожидаться 1917г., чтобы обратить свои взоры на восток, как это сделали пацифисты или социалисты: он пришел издалека и с другой стороны, но именно поэтому его свидетельство имеет огромное значение: оно помогает понять, какое завораживающее воздействие оказала Октябрьская революция на обширную семью интеллектуалов-католиков, которые первоначально не были ни марксистами, ни левыми, ни даже демократами» [8; с. 128].

В русской революции Паскаля привлекли равенство в бедности, утопический социализм, христианский дух общности и социальный порядок, декларируемые большевиками, а также антивоенная политика большевиков. *«Их пропаганда мира отвечала моим идеалам»,* - отмечал он. Он видел большевиков *«единственно способными и единственно решившимися на социальную революцию»* [9, р. 163].

В отличие от «христианского большевика» П. Паскаля, капитан Ж. Садуль принял большевизм как «западник», считая его силой, способной приобщить Россию к западным ценностям и полагая, что этот путь является спасительным как для России, так и для Европы. Будучи социалистом западного толка, *«Ж. Садуль хочет подтолкнуть большевиков вправо, – отмечал П. Паскаль, – он считает, что это единственное средство избежать полной реакции. Ж. Садуль марксист, он полагает, что Россия не может проскочить через этап капитализма и верит в буржуазную республику несколько более демократичную, чем во Франции. Он работает над созданием коалиционного правительства: большевики, левые эсеры, меньшевики, эсеры-центристы. А между тем бравый мужик или рабочий веруют в идеал»* [9, р. 279].

После Октябрьских событий капитан французской военной миссии Ж. Садуль сразу оказался в центре политической жизни Петрограда; имея доступ в Смольный, он присутствует на заседаниях II съезда Советов, знакомится с лидерами большевистской партии – В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, Л.Б. Каменевым, А.М. Коллонтай, А.В. Луначарским; встречается с Г.В. Плехановым, лидерами меньшевиков и левых эсеров. Л.Д. Троцкий, характеризуя поведение французского социалиста в период революции и гражданской войны, давал ему высокую оценку: *«...из военных и дипломатических агентов капитан Жак Садуль резко выделяется как человек, который добросовестно стремился понять то, что происходило перед его глазами. Из своего общения с кругами временного правительства он уже вынес убеждение об их полной несостоятельности и неспособности разрешить основные вопросы революции. Его добросовестность и вдумчивость обеспечили ему право на доверие со стороны руководящих элементов Октябрьской революции»* [10, л. 1].

Солдат военной миссии М. Боди в Октябре 1917 года увидел воплощение социалистических и пацифистских ценностей. Причины своего перехода на позиции большевизма он объяснял следующим образом: *«Захват власти и отмена крупной промышленной и земельной*

собственности казались мне соответствующими эпохе, в любом случае необходимым условием реализации социализма. Я не имел никакого предубеждения против общего государственного управления, проповедуемого Лениным... Инициативы Ленина, предлагавшего мир не только Германии, но и всем воюющим сторонам и, побуждая их положить конец войне, а также его призывы пролетариям всех стран объединиться, чтобы добиться мира, все это совпадало с тем, что я чувствовал и думал в то время» [11, р. 203]. Государственная структура, создаваемая большевиками, воспринималась им как воплощение социалистического принципа «власть - народу», как демократическая и прогрессивная.

Поворотным моментом в деятельности представителей французской военной миссии на путях взаимодействия с руководством большевиков, стали дипломатические контакты в период переговоров с немцами о заключении Брест-Литовского мирного договора, а также попытки помощи Л.Д. Троцкому в организации Красной армии.

В феврале - марте 1918 г., Ж.Садуль, как представитель военной миссии, воспользовавшись побегом посла Франции Ж. Нуланса из Петрограда, добился согласия союзных представителей, находившихся в России, на встречу с Л. Троцким. Ж. Садуль организовал к нему визит атташе французской, английской американской и итальянской военных миссий, которые обязались предоставить свои технические ресурсы в распоряжение Советов для организации Красной армии. При посредничестве Ж. Садуля, который вручил военным атташе список гарантий, необходимых для вмешательства союзников, В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий предложили союзникам компромисс: если они окажут большевикам техническую поддержку и будут при этом преследовать военные цели, не вмешиваясь во внутренние дела России, тогда большевики обязуются сопротивляться чрезмерным притязаниям Германии и поддержат военную интервенцию союзников в России против немцев. По свидетельству французского журналиста, Р.Маршана, имевшего случай ознакомиться с проектом данного соглашения, посол Франции Ж. Нуланс на полях отметил: *«Хорошо вижу выгоды для большевиков, но напрасно ищу, что могли бы из этого извлечь союзники!»* [12, р. 47]. Правительства Жоржа Клемансо и Ллойд Джорджа отказались принять подобные условия. К тому же, когда в апреле Ж. Нуланс возвратился в Петроград, ему удалось разрушить это сотрудничество, а вскоре за этим последовало решение правительств Антанты ускорить военную интервенцию. Следует отметить, что французы проводили двойственную политику в отношении советского государства: *«Генерал Лавернь, сменивший Нисселя, - писал Л. Троцкий, - давал мне, в осторожной и вкрадчивой форме, советы, которые были мало полезны, но по форме доброжелательны. По его словам, французское правительство считается теперь с фактом заключения Брестского мира и хочет лишь нам оказать вполне бескорыстную поддержку в строительстве армии. Он предлагал предоставить в мое распоряжение офицеров многочисленной французской миссии, возвращавшейся из Румынии»* [13, с. 82]. Однако к началу апреля

1918 г. стало окончательно ясно, что союзники не будут помогать формированию Красной Армии и иностранная интервенция неизбежна. Для некоторых членов французской миссии такие действия правительства Ж.Клемансо, обращенные против большевистских руководителей, стали главной причиной, побудившей их не только поддержать большевиков, но и остаться в России.

Бывшие сотрудники ФРАМИС, перешедшие на сторону большевиков, вступили в Российскую коммунистическую партию и Французскую коммунистическую группу, созданную в Москве при Федерации иностранных групп РКП(б). С октября 1918 г. они становятся сотрудниками Отдела советской пропаганды при Народном комиссариате иностранных дел, выпускают еженедельник «III Интернационал». На страницах этого еженедельника раскрывалось развитие революционного движения и общественной мысли во Франции, подробно передавались сообщения из «Юманите», солдаты Антанты призывали к борьбе против иностранной интервенции, переводились на французский язык произведения В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского и других советских руководителей.

Помимо пропагандистской деятельности бывшие сотрудники французской военной миссии являлись посредниками между советскими властями и своими соотечественниками, оказавшимися в России после революции, помогая им вернуться на историческую родину. П. Паскаль следующим образом описывал помощь своим соотечественникам: *«После разрыва дипломатических отношений, французская группа являлась посредником между советскими властями и французскими гражданами, оказавшимися в России. Множество раз Ж. Садуль или я хлопотали перед Ф. Дзержинским за того или иного француза. ...Наша квази-консульская роль позволила добиться нескольких освобождений для «персон второго плана», а также улучшения условий заключения. Кроме того, мы занимались французскими солдатами из корпуса, высадившегося в Мурманске и попавшими в плен»* [9, р. 19].

Большевистское руководство придавало большое значение информационно-пропагандистской работе, привлекая к ней активистов международного рабочего движения. Так, французское направление в Отделе пропаганды было представлено П. Паскалем. С 1918 г. по 1924 г. был личным секретарем наркома Г.В. Чичерина, переводил дипломатические ноты на французский язык, выступал по радио с обращениями к иностранным правительствам, которые писал сам или под диктовку Чичерина. Пользуясь полным доверием большевиков, он вместе с Чичериным в марте-апреле 1922 г. присутствовал на международной конференции в Генуе и участвовал в подписании Рапалльского договора. Участие француза в советской делегации, бывшего выпускника Высшей педагогической школы, католика привлекло внимание западной общественности. На Генуэзской конференции П. Паскаль оказался связующим звеном между Западом и Советской Россией. Так, к нему негласно обращались за разъяснением советской позиции относительно

отношения к Лиге Наций. В частности, председатель Международного союза ассоциаций за Лигу Наций в Брюсселе, Т. Руисен обратился к П. Паскалю с вопросом: *«Есть ли в самой России причины надеяться на то, что в один прекрасный день обозначится серьезное общественное движение в поддержку Лиги Наций?»* [14]. Отвечая на его письмо, П.Паскаль высказал мнение, что *«Лига Наций, в которую мы можем вступить, должна обеспечивать эффективное равенство всех членов. Она должна управляться уполномоченными, но не правительства, а органов (парламентов или других), достойными представлять народы. Наконец, она должна оградить меньшинства от любых «санкций» со стороны более сильных сторон»* [14].

В 1922-1923 гг. вместе с заместителем Чичерина М. Литвиновым он присутствует на конференции в Гааге, а затем в Лозанне.

Ж.Садуль и М.Боди, направленные весной 1919 г. на юг России, в составе Южно-русского бюро III Интернационала занимаются пропагандистской деятельностью в войсках интервентов, выступают в печати, пишут листовки, брошюры, обращения к французским солдатам. В одном из обращений Ж. Садуль проводит мысль о прямом долге француза поддержать революционное движение: *«Франция не может не соответствовать своему славному прошлому. Она с энтузиазмом вмешивается в великое освободительное движение... Сыны Французской революции, откажитесь быть палачами Русской Революции»* [15, л. 63]. Агитация и пропаганда, проводимая Французской группой коммунистов, оказалась действенной: весной и летом 1919 г. произошли восстания французских солдат и матросов черноморской эскадры, участвовавшей в иностранной интервенции.

Политический пафос, вызванный революционными преобразованиями к началу 1920-х гг. пошел на спад и стали ясно проявляться симптомы разочарования политикой большевиков. После окончания гражданской войны и перехода к новой экономической политике, в советском руководстве стала преобладать тенденция к созданию унитарного большевистского государства. Французы, перешедшие на сторону большевиков в 1917 г. не могли не отреагировать на перемены, которые произошли в Советской России. Решительное столкновение образа русской революции и советской реальности в их сознании можно отнести к 1920–1921 гг., когда желаемое и реальное перестало соответствовать сложившемуся образу социальной революции. Некоторых оттолкнули Кронштадтские события, другие не приняли НЭП, и хотя они не отказались пока что сотрудничать с большевиками, но это сотрудничество стало принимать другие формы, все более далекие от конкретной работы в России.

Еще одним фактором, повлиявшим на изменение форм сотрудничества французских интеллектуалов с советской властью, послужила стабилизация политической ситуации в Советской России. После окончания иностранной интервенции и гражданской войны советское государство окрепло, появилась новая структура власти, большевики полностью контролировали политическую обстановку на подвластной им территории, во Франции была

создана коммунистическая партия и, естественно, им больше не требовалась помощь в пропаганде революционных идей на советской территории. Работа французских интеллектуалов уже не имела такого значения, какое ей отводилось непосредственно после революции. Теперь перед большевиками стояла новая задача – завоевать приверженцев своей идеологии на мировой арене и здесь французские интеллектуалы снова оказались как нельзя кстати.

После окончания гражданской войны и иностранной интервенции Ж.Садуль работал в Исполкоме Коминтерна. В 1924 г., после признания Францией Советской России, он вернулся на родину и устроился на работу журналистом в «*Юманите*», орган компартии Франции.

В 1921 г. М. Боди по предложению Л.Михайлова (дипломатический представитель РСФСР в Норвегии в 1921-1922 гг.) становится вторым секретарем советского полпредства в Норвегии, где он проработает до 1926 года. Совместно с А.Коллонтай будет участвовать в установлении внешнеэкономических связей между Советской Россией и Норвегией, а затем работать над признанием Норвегией Советского государства. Окончательно вернуться во Францию в марте 1927 г. ему удалось благодаря усилиям А.Коллонтай и Е.Стасовой, поскольку он был заподозрен в «уклонах» и был объявлен «*persona non grata*».

Кронштадтское восстание, политика НЭПа заставляют П. Паскаля признать, что русская революция провалилась. Содержание некогда привлекавших ценностей на практике оказалось диаметрально противоположным. Власть революции оказалась направлена не на самозащиту, а на господство. П.Паскаль делает вывод, что в России настает период Директории: *«Время благоприятствует расторопным и проворным, царит лицемерие, оппозиция неотличима от большинства»* [16, р. 34].

С 1925 г. П. Паскаль встал на путь деполитизации и в последние годы своего пребывания в России превратился в историка, посвятив себя расколу русской церкви XVII в. В марте 1933 г. при помощи влиятельных друзей, П. Паскалю удалось покинуть СССР и вернуться во Францию, избежав самого худшего.

Таким образом, совпадение личностных установок с декларируемыми политическими постулатами большевиков явилось причиной принятия большевистской идеологии некоторыми представителями французской военной миссии, долгосрочность же их пребывания в лоне коммунизма определялась скоростью трансформации ценностей и наполнением их противоположным содержанием.

Первоначально, они активно сотрудничали с советской властью, использовались большевиками для пропаганды их идей в войсках интервентов, в редакционных и пропагандистских целях в Коминтерне, в Народном Комиссариате иностранных дел. Вместе с первыми советскими дипломатами способствовали формированию положительного имиджа молодого государства за рубежом, принимали участие в установлении внешнеэкономических связей и признании Советской республики. Однако утверждение сталинского тоталитаризма, уход от социалистической

программы 1917 г. привели к тому, что французские представители окончательно порвали с большевизмом.

1. Голиков, Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.) / Д.Л. Голиков. – М. : Политиздат, 1975. – 703 с.
2. Голиков, Д.Л. Правда о врагах народа / Д.Л. Голиков. – М. : Алгоритм, 2006.
3. Стариков, Н. Кто добил Россию? Мифы и правда о Гражданской войне / Н. Стариков. – М. : Яуза : Эксмо, 2006.
4. Jelen, Ch. L'aveuglement: les socialistes et la naissance du mythe sovetique / Ch. Jelen. – Paris : Flammarion, 1984. – 282 p.
5. Agulhon, M. Vu des coulisses / M. Agulhon, P. Nora // Essais d'ego-histoire. – Paris, 1987. – P. 9–59.
6. Coeuré, S. La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union sovetique, 1917–1939 / S. Coeuré. – Paris : Seuil, 1999. – 366 p.
7. Caute, D. Le communisme et les intellectuels français, 1914–1966 / D. Caute. – Paris : Gallimard, 1967. – 474 p.
8. Фюре, Ф. Прошлое одной иллюзии / Ф. Фюре. – М. : Ad Marginem, 1998.
9. Pascal, P. Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916–1918 / P. Pascal. – Lauzanne : L'age d'Homme, 1975.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 532. Телеграмма Л.Д. Троцкого о политических взглядах и поведении Ж. Садуля в период революции и гражданской войны.
11. Body, M. Un piano en bouleau de Carelie. Mes années de Russie 1917–1927 / M. Body – Paris : Hachette, 1981. – 318 p.
12. Marchand, R. Pourquoi je me suis rallié à la formule de la revolution sociale / R. Marchand. – Petrograd: International Communiste, 1919. – 79 p.
13. Троцкий, Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии / Л.Д. Троцкий. – М. : Панорама, 1991.
14. Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC). – Archives de Pierre Pascal. – F delta rés 883. – D. 2 (2)
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 517. – Оп. 1. – Д. 4.
16. Pascal P. Russie 1927. - Lauzanne: L'age d'Homme, 1985. – 291 p.